

S T U D I A P H I L O L O G I C A

Л. В. Балашова

РУССКАЯ
МЕТАФОРИЧЕСКАЯ СИСТЕМА
В РАЗВИТИИ: XI—XXI вв.

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
ЗНАК
МОСКВА 2014

УДК 811.161.1
ББК 81.2 Рус
Б 20

*Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России
в рамках базовой части государственного задания
в сфере научной деятельности по заданию № 2014/203, код проекта 1549.*

Балашова Л. В.

Б 20 Русская метафорическая система в развитии: XI—XXI вв. —
М.: Рукописные памятники Древней Руси : Знак, 2014. — 632 с. —
(Studia Philologica).

ISBN 978-5-9551-0727-1

В книге рассмотрены актуальные проблемы теории метафоры в когнитивном и диахроническом аспекте. На большом фактическом материале (несколько десятков тысяч лексических единиц) проанализировано становление и развитие метафорической системы русского языка с конца X по начало XXI в. Выявлены наиболее регулярные концептуальные модели метафоризации в предметной и не предметной лексических сферах; обсуждаются стабильность и динамика данных моделей в истории русского языка и факторы, влияющие на их развитие. Особое внимание уделено роли процесса метафоризации в формировании и развитии языковой картины мира носителей русского языка в разные периоды его функционирования. Результаты исследования могут быть использованы в исторической лексикологии и исторической лексикографии русского языка, в частности, при составлении исторических словарей. Для лингвистов, культурологов, студентов и преподавателей, для всех, кого интересуют язык и культура в их исторической перспективе.

ББК 81.2 Рус

*В оформлении переплета использована работа Жерара Делабарта
«Вид Моховой улицы и дома Паикова», 1795 г.*

ISBN 978-5-9551-0727-1

© Балашова Л. В., 2014

© Рукописные памятники Древней Руси, 2014

Любовь Викторовна Балашова

РУССКАЯ МЕТАФОРИЧЕСКАЯ СИСТЕМА В РАЗВИТИИ: XI—XXI вв.

Корректор О. Круподер. Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой

Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 15.09.2014. Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная № 1, печать офсетная.

Гарнитура Times. Усл. печ. л. 50,95. Тираж 400. Заказ №

Издательство «Рукописные памятники Древней Руси». ОГРН 1067746430102.

Издательство «Знак». ОГРН 1027701010435.

Phone: 8-495-959-52-60. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com

Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».

Тел.: +7 (499) 255-77-57, e-mail: gnosis@pochta.ru

Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).

Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Список принятых сокращений для терминологии	9
Введение	11

Часть 1

Основные постулаты современной теории метафоры

Глава 1. Теоретические принципы определения метафоры и ее типология	17
1.1. Статический и динамический подход к исследованию метафоры	17
1.2. Принципы формирования метафорического значения	20
1.3. Метафора в системе деривационных процессов	21
1.4. Семиотическая природа метафоры	23
1.5. Типология метафор	25
Глава 2. Проблема системности метафорических переносов; метафора и языковая картина мира	28
2.1. Вопрос о регулярных источниках метафоризации	28
2.2. Вопрос о регулярности метафорической номинации в различных семантических сферах языка	31
2.3. Вопрос о концептуальных моделях метафоризации	32
2.4. Метафора и языковая картина мира	35
Глава 3. Принципы диахронического исследования метафоры	41
3.1. Вопрос о динамике метафорической системы и языковой картины мира	41
3.2. Проблема системности диахронических семантических процессов	42
3.3. Проблема описания семантической структуры слова в диахронии	43
3.4. Основные направления исследования лексики в диахронии	47

Часть 2

Метафорическое наименование реалий предметного мира в диахронии

Глава 4. Субстантивная метафора предметной сферы в диахронии	53
4.1. Общая характеристика	53
4.2. Состав метафорических наименований	54
4.3. Семантические источники метафорических наименований	71
4.4. Регулярные переносы и метафорическое моделирование в предметной сфере	77

Глава 5. Глагольная метафора предметной сферы в диахронии	86
5.1. Система глагольной метафоры в XI — начале XV в.	86
5.2. Развитие системы глагольной метафоры в диахронии	94
5.3. Основные тенденции в развитии русской метафоры в предметной сфере.	104

Часть 3

Метафорическая номинация не предметной сферы в диахронии

Глава 6. Пространственная метафорическая макросистема в диахронии . . .	111
6.1. Общая характеристика метафорической системы не предметной сферы русского языка	111
6.2. Структура пространственного метафорического макрополя	113
6.3. Бытийно-временное метафорическое субполе в диахронии.	114
6.3.1. Общая характеристика	114
6.3.2. Модель движения времени относительно человека	116
6.3.3. Модель движения человека по оси времени	125
6.3.4. Объемная модель времени	133
6.4. Модальное метафорическое субполе в диахронии	135
6.4.1. Общая характеристика	135
6.4.2. Модальная модель противопоставления движения и покоя . . .	136
6.4.3. Модальная модель противопоставления стабильного/нестабильного положения в пространстве	146
6.4.4. Модальная модель удержания объекта в определенной точке пространства	151
6.4.5. Модальная модель целостности объекта.	153
6.5. Логико-классификационное метафорическое субполе в диахронии .	156
6.5.1. Общая характеристика	156
6.5.2. Пространственная модель системных связей и отношений . . .	157
6.5.3. Пространственная модель качественных и иерархических отношений.	163
6.5.4. Пространственная модель прагматической оценки интенсивности / значимости	170
6.6. Основные тенденции в развитии пространственного метафорического макрополя.	175
Глава 7. Натуралистическая метафорическая макросистема в диахронии . .	179
7.1. Структура натуралистического метафорического макрополя	179
7.2. Биоморфное метафорическое субполе	182
7.2.1. Общая характеристика	182
7.2.2. Метафорическое поле жизнедеятельности человека в XI — начале XV в.	184

7.2.3. Метафорическое поле жизнедеятельности растений в XI — начале XV в.	193
7.2.4. Развитие биоморфного метафорического субполя в диахронии	196
7.3. Перцептивное метафорическое субполе.	202
7.3.1. Перцептивное метафорическое субполе в XI — начале XV в.	202
7.3.2. Развитие перцептивного метафорического субполя в диахронии	208
7.4. Сенсорное метафорическое субполе	213
7.4.1. Сенсорное метафорическое субполе в XI — начале XV в.	213
7.4.2. Развитие сенсорного метафорического субполя в диахронии	219
7.5. Основные тенденции в развитии натуралистического метафорического макрополя	222
Глава 8. Социальная метафорическая макросистема в диахронии.	225
8.1. Социальная лексика как источник метафоризации в диахронии	225
8.2. Специфика формирования концептуальных моделей метафоризации в социальной сфере	230
8.3. Метафорическая субмодель социальных связей и отношений в диахронии	235
8.4. Метафорическая субмодель имущественных и товарно-денежных отношений в диахронии	246
8.5. Метафорическая субмодель профессионально-трудовой и созидательной деятельности в диахронии.	250
8.6. Основные тенденции в развитии социального метафорического макрополя	257
 Часть 4 Активные процессы в развитии современной русской метафорической системы 	
Глава 9. Метафора в социолектах современного русского языка	261
9.1. Роль социолектов в развитии современного русского языка	261
9.2. Неологизмы как источник социолектной метафоры	263
9.3. Традиционно-бытовая и устаревшая лексика как источник социолектной метафоры	271
9.4. Социальная семантическая сфера и связанные с ней прецедентные феномены как источник социолектной метафоры	277
9.5. Культурно-исторические прецедентные феномены как источник социолектной метафоры	303
9.6. Религиозная лексика как источник социолектной метафоры	321
9.7. Фонетическая «псевдометафора» как часть социолектной метафорической системы	329

9.8. Словообразовательная метафора в социолектах	338
9.9. Источники метафоризации как отражение языковой картины мира носителей сетевого сленга	345
9.10. Спонтанные представления о языке и речевой коммуникации в социолектной метафорической системе.	358
9.11. Жанры «социолектной речевой культуры» в зеркале метафоры	370
9.12. Метафоры-вокативы в коммуникативной компетенции носителя молодежного сленга	390
9.13. Жизнь города сквозь призму социолектной метафоры	407
9.14. Языковая картина мира учащегося XIX и начала XXI в. сквозь призму жаргонной метафоры.	416
9.15. Концепт ВЛАСТЬ сквозь призму литературной и социолектной метафоры	428
9.16. Общие принципы концептуализации в социолектной метафорической системе.	436
Глава 10. Метафора в политическом дискурсе современного русского языка	443
10.1. Роль политического дискурса в динамике русской метафорической системы.	443
10.2. Образ России сквозь призму метафоры (на материале телешоу «К барьеру»).	445
10.3. 2012 год в зеркале политической концептуальной метафоры	461
10.4. Метафора как способ реализации концептов СВОЙ — ЧУЖОЙ в оппозиционных массмедиа	478
Заключение	494
Библиография	499
Список использованных словарей	499
Список исследовательской литературы	501
Список сокращений, принятых при цитировании названий источников XI—XXI вв.	535
Предметный указатель	545
Лексический указатель	558
Именной указатель	626

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ ДЛЯ ТЕРМИНОЛОГИИ

аббр.	—	аббревиатура
авиа.	—	жаргон авиаторов
авт.	—	жаргон автомобилистов
англ.	—	английский
арг.	—	арго
бран.	—	бранное
греч.	—	греческий
друж.	—	дружеское
жар.	—	общий жаргон
ирон.	—	ироническое
ИТУ	—	исправительно-трудовое учреждение
КП	—	«Комсомольская правда»
лат.	—	латинский
ЛСВ	—	лексико-семантический вариант
ЛСГ	—	лексико-семантическая группа
мол.	—	молодежный сленг
офен.	—	жаргон офень
пренебр.	—	пренебрежительное
презр.	—	презрительное
простит.	—	жаргон проституток
разг.	—	разговорное
РЖ	—	речевой жанр
руг.	—	ругательство
сленг.	—	сленгизм
СМК	—	средства массовой коммуникации
СОГ	—	словообразовательное гнездо
сокр.	—	сокращение
СП	—	семантическое поле
спец.	—	специальное
ТГ	—	тематическая группа
угол.	—	уголовный жаргон
франц.	—	французский
ц.-сл.	—	церковнославянский
шутл.	—	шутливое
шутл.-ирон.	—	шутливо-ироническое
шутл.-ласк.	—	шутливо-ласкательное

ВВЕДЕНИЕ

Метафора — один из самых «традиционных» объектов исследования как лингвистов, так и представителей смежных наук — литературоведов, философов и др. За тысячелетнюю историю в науке накопилась обширная, практически необозримая литература по самым разным вопросам, связанным с определением сущности данного явления, его структуры, функций, типологии. При этом обращает на себя внимание тот факт, что (при всех корректировках, уточнениях, дополнениях) современные теории восходят к классическому определению метафоры, данному еще Аристотелем, который видел в метафоре способ переосмысления значения слова на основании сходства [Аристотель 1927: 68, 70].

Именно античная наука во многом определила основные подходы к данному явлению. С одной стороны, метафора оказывалась достаточно жестко прикрепленной к образным средствам, используемым в художественной и риторической речи:

Подобно тому как одежда, сперва изобретенная для защиты от холода, впоследствии стала применяться также и для украшения тела и как знак отличия, так и метафорические выражения, введенные из-за недостатка слов, стали во множестве применяться ради услаждения [АТ 1936: 218].

С другой стороны, уже тогда сформировался «взгляд на метафору как на неотъемлемую принадлежность языка, необходимую для коммуникативных и, следовательно, познавательных целей» [Скляревская 1993: 6]: «Метафора... содействует тому, чтобы ни один предмет не остался без обозначения» [АТ 1936: 218].

Противопоставление двух взглядов на метафору (как на стилистическую фигуру и как на одно из номинативных средств языка, связанное с процессами мышления) сохраняется в науке на протяжении столетий и во многом определяется общетеоретическими, философскими установками исследователей.

Так, представители рационалистического направления в языкознании видели в метафоре стилистическую фигуру, которая не отражает объективного взгляда на действительность. Это обусловило резко отрицательное отношение к использованию метафоры в речи.

Свет человеческого ума — это вразумительные слова, предварительно очищенные от всякой двусмысленности точными дефинициями. Рассуждение есть шаг, рост знания — путь, а благоденствие человеческого разума — цель. Метафоры же и двусмысленные слова, напротив, суть что-то вроде *ignes fatui* (блуждающих огней), и рассуждать при их помощи — значит бродить среди бесчисленных нелепостей, результат же, к которому они приводят, есть разногласие и возмущение или презрение [Гоббс 1936: 62].

Именно философы обратили внимание на эвристическую функцию метафоры (кстати, Т. Гоббс в своем рассуждении использует целый комплекс метафор, построенных на основе пространственных ассоциаций, ср.: *шаг, путь, бродить, блуждающий, приводить*). Ученые, видевшие в языке отражение психической деятельности индивида, признавали метафору единственным способом выражения мысли. Субъективный характер метафоры прекрасно накладывался на теорию об объективной непознаваемости внешнего мира: «Понятие, сухое и восьмиугольное, как игральная кость, и такое же передвижное, как она, все же является лишь остатком метафоры» [Ницше 1912: 399]. В дальнейшем в науковедении (при отрицании тезиса об объективной непознаваемости действительности) развивается взгляд на метафору как способ выдвижения гипотез [Quine 1977; Гусев 1984; Петров 1985; Лапина 1988; Ортега-и-Гассет 1990; Мишланова 1998; Фрумкина 2001]. В частности, отмечается «особое значение метафоры в языке науки как инструмент переноса известного на неизвестное, причем не только в социально-гуманитарных, но и в естествознании и математических науках» [Шибаршина 2011: 124]. Более того, «новый взгляд рассматривает образные аспекты мышления — метафору, метонимию, использование ментальных образов — как центральные для разума, а не как периферийную и несущественную добавку» [Лакофф 2004: 9], поскольку сам процесс познания рассматривается в настоящее время как вид интерпретирующей деятельности [Микешина 2009], а метафора, соответственно, «способна выражать гипотезу, задавая особое направление осмыслению изучаемого объекта» [Мотыко 2004].

В целом к середине XX столетия в науке складывается представление, что метафора пронизывает всю лексическую систему языка, выполняя номинативную и эвристическую функции:

То, что метафора — вездесущий принцип языка, подтверждается простым наблюдением. В обычной связной речи мы не встретим и трех предложений подряд, в которых не было бы метафоры. Даже в строгом языке точных наук можно обойтись без метафоры лишь ценой больших усилий... Особенно это касается философии... Чем абстрактней становится философия, тем чаще прибегаем мы к метафоре [Ричардс 1990: 46].

Не ослабевают в течение столетий и интерес к лингвистической стороне метафоризации. Особенно значимыми для теории метафоры стали работы ряда ученых конца XIX — первой половины XX столетия [Балли 1961; Вандриес 1937; Веселовский 1940; Пауль 1960; Потенба 1976; Щерба 1974]. К середине XX столетия в науке явно обозначилась необходимость вычленить метафору в самостоятельный объект лингвистического анализа в рамках общей семантической теории языка. Так, В. В. Виноградов, активно разрабатывая теорию значения [Виноградов 1953], писал:

Вопрос о метафоре как принципе семантического преобразования чрезвычайно сложен и труден. И прежде этого он нуждается в расчленении: классификация типов метафор, объяснение их отличий с психологической и лингвистической точек

зрения — неотложные задачи семантики и того разветвления ее, которое входит в стилистику под именем «символики» [Виноградов 1976: 427].

Как в отечественном, так и в зарубежном языкознании появляется целый блок работ (ср. [Черкасова 1959; 1968; Корольков 1968; 1971; Гарипова 1969; Крылова 1967а; 1967б; Левин 1965; 1969; Фридрих 1971; Black 1962; Hesse 1965; Macloskey 1964; Turbayne 1962]), посвященных лингвистическому аспекту феномена метафоры. Анализируется семантическая структура метафоры, соотношение исходного и переносного значений, морфологические и синтаксические свойства метафоры. Постепенно в науке метафора начинает восприниматься как глобальное, «фундаментальное свойство языка, не менее фундаментальное, чем, например, оппозиция элементов языка» [Степанов 1985: 229].

При таком подходе принципиальным оказывается признание объективной сложности и неоднородности данного явления, которое может быть рассмотрено в разных аспектах и на разном материале. В последние десятилетия в языкознании сформировались и плодотворно развиваются несколько направлений исследования метафоры, во многом дополняющих и обогащающих друг друга (ср. обзор таких подходов в работах [Кузютова 2011: 119—126; Москвин 1993: 114—120; 1997; Осипов 1994; Склярская 1993: 5—11; Тошович 1998]).

С другой стороны, проблема метафоры активно исследуется представителями других наук (когнитологии, культурологии, логики, психологии). Результаты такого комплексного анализа получили отражение в современной теории метафоры.

В частности, сейчас практически общепризнанным является взгляд на метафору как на компонент человеческого познания [МакКормак 1990: 381]. «В метафоре стали видеть ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа» [Арутюнова 1990: 6]. А это предопределяет антропоцентризм метафоры, «соизмеримость сопоставляемых в метафоризации объектов именно в человеческом сознании, безотносительно к реальным сходствам и различиям их сущностей» [Телия 1988в: 4]. Данное свойство вписывается в общую антропологическую парадигму научного знания [Алпатов 1993].

Современная наука достигла такого уровня понимания действительности, на котором отказ от единых и универсальных критериев истины, признание многообразия мира и — как следствие — неоднородности научной картины, отражающей мир, выступает как непереносимое условие дальнейшего развития познания [Бардина 1996: 3].

На уровне языка это проявляется, в частности, в том, что «эмпирические исследования в лингвистике и некоторых других смежных областях доказали разнообразие концептуальных систем языков мира» [Гладкова 2010: 11].

В свою очередь, признание системности лексико-семантического уровня, еще недавно дискутировавшееся в лингвистике, приводит к утверждению, что и метафора, как глобальное свойство языка, не может оказаться вне действия этих общих

закономерностей. Вот почему современные работы по метафоре связаны с установлением общих закономерностей процесса формирования переносных значений и его результатов, проявляющихся в функционировании лексико-семантической системы языка в целом.

В то же время метафора в диахронии (если рассматривать это явление не как историю отдельных слов, а как процесс, охватывающий всю лексико-семантическую систему языка) пока редко оказывается в центре внимания ученых. «До сих пор диахронические исследования посвящены прежде всего истории отдельных явлений, часто без достаточного внимания к их связи с системой в целом» [Баранникова 1997: 5]. Такое положение вполне объяснимо, поскольку «выявление семантических связей требует больших усилий, использования большого материала и развития специальных подходов к его исследованию» [Там же]. До известной степени и сейчас сохраняет свою актуальность замечание: «Уловить систему в развитии очень трудно, поэтому неудивительно, что все еще высказываются сомнения в принципиальной возможности научного описания исторического развития языка как системы» [Ружичка 1978: 8].

Вместе с тем целесообразность такого анализа очевидна, ибо всякая современная система есть результат предшествующего развития. Особенно важен диахронический анализ при лингвокогнитивном и лингвокультурологическом подходе к процессу метафоризации. Более того, особенности строения и функционирования современной метафорической системы во многом определяются тенденциями, заложенными в предшествующих стадиях ее развития: «Любая система не возникает из ничего и включает в себя в “снятом виде” особенности речетворческого процесса предшествующих эпох» [Филин 1949: 3]. Именно установлению основных тенденций в развитии метафорической системы русского языка в исторический период (с конца X по начало XXI в.) посвящена данная книга.